

Свою окончательную обработку текст Музейского хронографа получил в Вологде. Из числа его известий, относящихся к XVII в., шесть являются северными, причем четыре из них специфически вологодскими. Перечислим их: известие 1613 (7121) г. о приходе к Вологде поляков, 1619 (7127) г. о бесчинствах поляков в Спасо-Прилуцком монастыре, 1651 (7159) г. о возведении игуменов Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей в сан архимандритов, 1655 (7163) г. о постройке в Вологде «единодневного храма» Спаса Смоленского, 1663 (7171) г. о «знамени» в селе Новые Ерги вотчины Кирилло-Белозерского монастыря — падении там метеорита, 1668 (7176) г. о Соловецком восстании и осаде Соловецкого монастыря (последнее известие представляет собой целое повествование). Все эти известия читаются с небольшими текстуальными различиями в Вологодской летописи конца XVII—начала XVIII в.¹⁸ Общим с ее известиями является и ряд общерусских известий летописных записей окончания Музейского хронографа, что также говорит о принадлежности нашего Хронографа к кругу вологодского летописания. В пользу северного происхождения Хронографа свидетельствует и его бытование на Русском Севере, зафиксированное в приведенной выше записи о покупке Хронографа.

Хронограф Музейского собрания № 1150, о котором мы высказали несколько предварительных суждений, является памятником интенсивной летописной работы, ведшейся в Вологде в конце XVII в.

В. М. ПАНЕЯХ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. А. ЗИМИНА

Исследовательские интересы Александра Александровича Зимина отличались необычайной широтой. Специализируясь в области истории русского феодализма, он охватывал в своих работах практически всю эту эпоху — от зарождения до упадка. Экономическая история, социальные отношения, политическая история, эволюция государственных учреждений, классовая борьба, общественно-политическая мысль, историография — вот неполный перечень основных направлений его ученой деятельности.¹

¹⁸ См.: Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1980, с. 78, 81.

¹ О творческом пути А. А. Зимина см.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6, с. 152—157; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин. Уче-

Особое место в творческом наследии А. А. Зимина занимают источниковедение и вспомогательные (специальные) исторические дисциплины. Строгий источниковедческий подход при изучении любой проблемы как бы скрепляет все работы историка единым стержнем, хотя, разумеется, легко обнаруживаются и иные внутренние связи между ними, прежде всего тематические и концепционные. Источниковедческие сюжеты пронизывают подавляющее большинство трудов А. А. Зимина. Кроме того, он равным образом уделял внимание как конкретным исследованиям в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, прежде всего археологии, текстологии, летописеведения, дипломатики, генеалогии, так и разработке методики этих связанных между собой, но также в той или иной мере автономных отраслей исторической науки, выявлению нерешенных проблем, постановке очередных задач.

Конечно, общие взгляды на источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, их методику, задачи, междисциплинарные связи, иерархию исследовательских процедур, роль на пути познания прошлого формировались у А. А. Зимина постепенно, в процессе конкретных источниковедческих изысканий и преподавания в Историко-архивном институте, где он долгое время вел занятия параллельно с работой в академическом Институте истории СССР. В результате из-под пера А. А. Зимина выходит ряд работ по теоретическим и методическим проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.² Все это в целом и дает представление о вкладе исследователя в развитие той отрасли исторической науки, которая посвящена непосредственно изучению и изданию исторических источников.

Чрезвычайно насыщенной и разнообразной была деятельность А. А. Зимина в области *археологии*, особенно эдиционной. Ему принадлежит свыше сорока публикаций источников, из которых около десяти вышли отдельными томами. Им самим, под его руководством или при его участии издавались законодательные памятники (в том числе «Русская Правда», Псковская судная грамота, Судебник 1550 г., Сводный судебник, некоторые указные и уставные книги приказов),³ летописи (в том числе Троицкий список Новгородской I летописи, Краткие летописцы XV—XVI вв., Иоасафовская летопись, Летописец начала царства),⁴ акты XIV—

ный. Человек. — Истор. записки, 1980, т. 105, с. 294—309; Список печатных трудов А. А. Зимина (составитель А. Л. Хорошкевич). — Археолог. ежегодник за 1980 г., М., 1981, с. 274—284.

² В какой-то мере знаменательно, что последней вышедшей при жизни А. А. Зимина работой была написанная им совместно с В. И. Бугановым статья, которую А. А. Зимин в своем списке трудов называл «Футурологией источниковедения русского средневековья» (Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 117—131).

³ ПРП, М., 1952—1959, в. 1—5.

⁴ Троицкий список Новгородской первой летописи. [Археологическое введение совместно с А. Н. Насоновым]. — В кн.: Новгородская первая

XVII вв. (в том числе опубликованные в вып. 1—5 «Памятников русского права» и такое фундаментальное издание, как вторая часть «Актów феодального землевладения и хозяйства»),⁵ материалы делопроизводства монастырей и государственных учреждений (в том числе Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря 30-х гг. XVI в., Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в., Опись Царского архива),⁶ памятники общественной мысли (в том числе сочинения Ивана Пересветова, послания Иосифа Волоцкого, «Задонщина»),⁷ труды русских и советских историков (В. О. Ключевского, С. Б. Веселовского, С. В. Бахрушина, А. Н. Мальцева).

Следует отметить, что наибольшая активность А. А. Зимина в области издания источников приходится на 1948—1960 гг., после чего она резко падает. Можно указать как на объективные, так и на субъективные причины этого. К первым следует отнести общее сокращение числа публикаций по истории русского средневековья, что не стимулировало работу в этой сфере, ко вторым — подготовку А. А. Зиминим именно в 60—70-е гг. серии монографических исследований, отнимавших основную часть времени ученого.

Важное место в археографической деятельности А. А. Зимина занимает издание открытых им неизвестных до того, либо известных, но ранее не публиковавшихся источников. Вместе с тем он издавал заново многие ранее публиковавшиеся памятники, но всегда по рукописям и с привлечением новых списков, многие из которых были обнаружены им самим, а также с оригинальными и глубокими комментариями источниковедческого, текстологического, археографического и исторического характера.

Так, текст Уставной книги Разбойного приказа 1555—1556 гг.,⁸ впервые обнаруженный А. А. Зиминим, не был известен в исторической литературе вовсе, хотя отдельные сведения о ее существовании имелись. Напротив, о существовании Троицкого списка

летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950; Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI в. — Истор. архив, 1950, кн. 5, с. 3—39; Иоасафова летопись. Подгот. А. А. Зимин и С. А. Левина. М., 1957; Летописец начала царства. Подгот. к печати М. Е. Бычкова и А. А. Зимин. Под ред. А. А. Зимина. — ПСРЛ, т. 29, М., 1965, с. 9—116.

⁵ АФЗХ, ч. 2. Подг. к печати А. А. Зимина. М., 1956.

⁶ Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Подгот. М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин. М.—Л., 1948; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Т. 1—3. Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978.

⁷ Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956; Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959; Зимин А. А. Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции). — Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1967, в. 36, с. 216—239; Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве. Выбор. подготовка и комментарии А. А. Зимина. Тула, 1980.

⁸ ПРП, М., 1956, в. 4, с. 356—370, 383—400.

Новгородской I летописи⁹ первоначально знал А. А. Шахматов, но затем следы местонахождения этой рукописи затерялись. Слосок, найденный А. А. Ромодановской и А. А. Зиминим, содержит ряд более древних чтений по сравнению с другими списками этой летописи и дает дополнительный материал для восстановления текста Начального свода 90-х гг. XI в.¹⁰

Все это было результатом постоянной работы А. А. Зимина в архивохранилищах прежде всего Москвы и Ленинграда, а также других городов страны. Он стремился изучить весь рукописный материал по истории русского феодализма вплоть до XVII в. путем сплошного просмотра фондов и одновременно вел целенаправленный поиск для изданий источников. Выявление и привлечение всего корпуса рукописей, относящихся к тому или иному публикуемому историческому источнику, будь то летопись, публицистическое произведение, памятник права, акт, делопроизводственный документ, являлись одним из основополагающих принципов работы А. А. Зимина как археографа (и не только в качестве последнего).

Другим таким принципом деятельности А. А. Зимина как археографа является опора на текстологические и источниковедческие изыскания. Установление аутентичности того или иного памятника, его датировка, выяснение истории текста на основе всей его рукописной традиции — вот тот минимум текстологического и источниковедческого изучения, которое необходимо провести до издания исторического источника. Можно даже предполагать, что, несмотря на давнее обособление археографии в качестве вспомогательной исторической дисциплины, выделение ее из общего источниковедения, А. А. Зимин продолжал ее считать частью последнего. Во всяком случае методика актовой археографии, по его мнению, «представляет собой раздел общей методики дипломатического изучения актов».¹¹

Примером следования этим принципам может служить последняя прижизненная публикация А. А. Зимина — знаменитой Описи Царского архива.¹² Публикатор дает здесь не только точный текст Описи, исправляя допущенные ранее ошибки или спорные чтения, но и проводит на основе привлечения большого числа разнородных источников, как изданных, так и неизданных, источниковедческое ее исследование, результатом чего явилась реконструкция Государственного архива России XVI в. Именно эти обстоятельства позволили Л. В. Черепнину охарактеризовать публикацию Описи как «образец такого типа издания историче-

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1960.

¹⁰ См.: Зимин А. А., Насонов А. Н. О так называемом Тропецком списке Новгородской первой летописи. — Вопросы истории, 1951, № 2, с. 89—91.

¹¹ Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, с. 3—4.

¹² Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции.

ского памятника, при котором воспроизведение его текста сопровождается подсобным аппаратом, выполненным на высоком исследовательском уровне, — комментариями источниковедческого и исторического характера». Л. В. Черепнин отметил далее, что данное издание объединяет со знаменитыми академическими изданиями Русской Правды, судебных, литературных памятников одна общая черта: «...они отвечают запросам археографическим, источниковедческим, историческим во всем их комплексе».¹³

Указанными двумя основными принципами А. А. Зимин руководствовался не только в собственной работе археографа, но и при оценке изданий источников, подготовленных другими историками или филологами, при обсуждении методических приемов публикаций, при формулировании задач археографической теории и практики.

В частности, А. А. Зимин считал даже такое классическое издание, каким являлся «Сборник грамот Коллегии экономии», неудачным ввиду его неполноты: «Его составители опубликовали материалы фонда грамот Коллегии экономии, собранные во второй половине XVIII в., игнорируя грамоты того же характера, хранившиеся в других собраниях». Напротив, достоинство изданных под редакцией С. Н. Валка «Грамот Великого Новгорода и Пскова» состоит в том, что это именно «полное собрание».¹⁴

А. А. Зимин считал издание Л. В. Черепниным духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. выполненным «на основе последних достижений советской археографии как по качеству передачи текста древнерусских актов, так и по составлению научно-справочного аппарата (заголовки, легенды, указатели)». Особо он отмечал, что эта публикация основана «на большой предварительной работе Л. В. Черепнина по изучению текстов опубликованных памятников».¹⁵

Оценивая весьма высоко академическое издание судебных XV—XVI вв., А. А. Зимин в то же время подвергал критике и

¹³ Черепнин Л. В. Несколько слов о публикации А. А. Зимина. — В кн.: Государственный архив России XVI столетия, с. 3—4.

¹⁴ Зимин А. А. Рец. на кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. — Советская книга, 1949, № 11, с. 68. — При этом А. А. Зимина не смущает, что публикация эта выполнена «по сравнительно упрощенной транскрипции, так как большинство документов уже было издано» с соблюдением строгих филологических требований (там же, с. 69). А. А. Зимин вообще был лишен того археографического пуризма, следствием которого является непереносимое стремление удовлетворять в одном издании требования и историков и лингвистов. Особенно активно он возражал против усложненных правил транскрипции в издании рукописей XVI в. и более поздних, утверждая, что «историкам они не нужны, а для филологов — все равно недостаточны» (Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 123), не соглашаясь поэтому с правилами издания «Актов Русского государства 1505—1526 гг.» и последующих томов новой серии сборников актов, хотя и вошел в состав редакционной коллегии.

¹⁵ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1958, в. VI, с. 276.

неполноту публикации Судебника 1589 г. (исключение Судебника 1550 г., предшествовавшего тексту дополнения в краткой редакции), и попытку выяснить взаимоотношения сохранившихся списков Судебника 1550 г. в отрыве от анализа как следующих за ними списков дополнительных статей, так и сборников, включающих все эти списки,¹⁶ и выбор за основу публикации Судебника 1550 г. списка, который, по мнению А. А. Зимина, отражает дефектный текст,¹⁷ и ошибки при описании списков, а также при передаче текстов, и предложенную схему взаимоотношений между краткой и пространной редакциями Судебника 1589 г.¹⁸

Нетрудно заметить, что требования, предъявляемые А. А. Зиминим к оцениваемым им публикациям, основываются на необходимости полного знания и привлечения всего рукописного материала, относящегося к издаваемым источникам, и обязательности источниковедческого, в частности текстологического, предварительного их изучения. Сам А. А. Зимин рецензировал обычно те публикации, относительно которых он мог высказать суждения, опирающиеся на его глубокое знакомство с издаваемыми рукописями и самими источниками. Именно потому даже на заре его научной деятельности А. А. Зимину удавалось выявлять «многочисленные ошибки археографического характера», как это было, например, с первым изданием «Хождения за три моря Афанасия Никитина» в серии «Литературных памятников».¹⁹

С подведением источниковедческой базы под всякую практическую археографическую работу связаны взгляды А. А. Зимина на передачу текста посредством реконструкции исторического источника. Необходимость издания реконструкций А. А. Зимин обосновывает тем, что значительная «часть повествовательных источников древней Руси дошла до нас не в подлиннике, а в позднейших списках, составители которых приносили от себя в тексты те или иные исправления, а подчас и просто искажения». Конечно, «реконструкция отнюдь не всегда означает освобождение текста от ошибок», поскольку часто «составитель доку-

¹⁶ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952. — Вопросы истории, 1953, № 3, с. 115—116.

¹⁷ ПРП, в. 4, с. 232. — В основу подготовленной самим А. А. Зиминим публикации Судебника 1550 г. положен другой список, по его мнению, «наиболее близкий по времени к первоначальному списку Судебника» (там же, с. 232—261).

¹⁸ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 115—117. — Свое представление о последовательности двух редакций Судебника 1589 г. А. А. Зимин обосновал дополнительно в специальной статье. В ней, как и в рецензии, он поддерживает мнение А. И. Андреева о том, что краткая редакция появилась вследствие извлечения текста Судебника 1550 г. из пространной редакции памятника (см.: Зимин А. А. К изучению русских законодательных памятников конца XVI—начала XVII в. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 221—227).

¹⁹ Зимин А. А. Рец. на кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948. — Вопросы истории, 1949, № 7, с. 140—143.

мента уже сам допустил ошибки, которые, следовательно, могут восходить к авторскому тексту».²⁰

Обобщая опыт реконструкции памятников прошлого, накопившийся в результате кропотливой работы советских историков и литературоведов, А. А. Зимин классифицировал публикации реконструированных текстов, произвел обзор изданных уже реконструкций и предложил для обсуждения ряд принципов научной реконструкции.

По мнению А. А. Зимина, допустимо несколько видов реконструкции при передаче текста. Во-первых, это «полная реконструкция», т. е. «восстановление не сохранившегося в подлиннике текста памятника»; во-вторых, «первичная реконструкция», являющаяся восстановлением «одной или нескольких поздних редакций памятника или даже списков»; в-третьих, «реставрация» — «восстановление несохранившихся частей текста, отсутствующих вследствие повреждения подлинника или публикуемого списка»; наконец, в-четвертых, «элементы реконструкции», т. е. «освобождение отдельных частей текста памятника от позднейших напластований и искажений».²¹

Для того чтобы издатели при реконструкции не сохранившихся в подлиннике текстов не подходили субъективно к отбору вариантов, замене ими основных чтений, А. А. Зимин «в самой общей форме» предложил основные методические принципы, которыми следует руководствоваться при подготовке таких публикаций. Прежде всего необходимо «основываться на большой предварительной работе по изучению всех сохранившихся списков памятника и материалов, генетически с ним связанных (источники, литературно-историческая среда памятника и его отражение в позднейшей документации)», сводящейся к анализу «содержания и формы рукописной традиции», а также к установлению «генеалогической связи сохранившихся рукописных текстов», в частности выявлению «редакций, видов и изводов». Восстановление архетипа памятника зависит «от полноты выявления рукописного материала» и «тщательности источниковедческого анализа», в результате чего производятся «выбор текста-основы реконструкции и отбор вспомогательных списков, которые должны представлять все редакции, непосредственно восходящие к реконструируемому протографу». Совершенно необходимы «строгая научная аргументация в научно-справочном аппарате каждого исправления и дополнения текста-основы и выделение этих исправлений и дополнений в тексте публикации (лучше всего курсивом)».²²

В решительный спор о реконструкциях с А. А. Зиминим вступил Д. С. Лихачев.²³ Однако А. А. Зимин, судя по его работам,

²⁰ Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. — Истор. архив, 1956, № 6, с. 133.

²¹ Там же, с. 134.

²² Там же, с. 143.

²³ Д. С. Лихачев указал, в частности, на «принципиальное и очень

уточнив отдельные формулировки и терминологию, остался при своем прежнем мнении и в теоретическом, и в практическом аспектах. Во всяком случае в 1980 г., намечая (совместно с В. И. Бугановым) основные задачи археографии, он указывает на необходимость издания «реконструкций несохранившихся летописных сводов применительно к летописанию XIV—XV вв.», создания свода «реконструкций памятников русского летописания XIV—XV вв.». Важность этой работы определяется тем, что без нее «невозможно представить себе, в какой мере гипотетические своды опираются на реальные тексты». Пользоваться этими реконструкциями в повседневной работе можно было бы «с соответствующими оговорками и ссылками на исследования, подкрепляющие гипотезу о существовании того или иного свода». Кроме издания реконструкций летописных сводов, А. А. Зимин считает необходимым публикацию реконструкций актов, повестей, сказаний и других памятников.²⁴

А. А. Зимин и сам активно участвовал в издании реконструкций. Укажем, в частности, на опубликование им реконструкций архетипа «Пространной Правды»²⁵ и «Задонщины».²⁶

Вообще задачи, которые ставил А. А. Зимин в связи с развитием археографии, тесно соотнесены с повседневной практикой и всегда отражали насущные и практически осуществимые нужды нашей науки. Приведу два примера. В 1950 г. он писал о том, что «назрела необходимость переиздания как „Истории“ Татищева, с критической сверкой различных ее редакций, так и ... других, не менее важных материалов рукописного наследия этого выдающегося русского историка».²⁷ Сейчас, как известно, обе эти задачи блестяще решены. В 1953 г. А. А. Зимин выразил пожелание, чтобы начатая изданием судебников XV—XVI вв. серия «Законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв.» была «продолжена публикацией дополнительных указов и указных книг XVI—XVII вв.».²⁸ В то время в Ленинградском отделении Института истории уже приступили

резкое различие» между «критическим изданием текста и его реконструкцией», поскольку «реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создавшим». В отличие от текста критического издания памятника, всегда являющегося реальностью, текст реконструкции — «всегда гипотеза». «Опасность реконструкций», если ими заменяются критические издания источников, писал Д. С. Лихачев, «заключается в том, что, вступив на этот путь, мы не только не будем иметь изданий достоверных текстов, но и сколько-нибудь стабильных» (Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов. — Истор. архив, 1957, № 6, с. 154—166).

²⁴ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 121.

²⁵ ПРП, М., 1952, в. 1, с. 108—120, 189—196.

²⁶ Зимин А. А. Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции), с. 216—239; Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве.

²⁷ Зимин А. А. Рец. на кн.: Исторический архив, т. IV. М.—Л., 1949. — Вопросы истории, 1950, № 2, с. 126.

²⁸ Зимин А. А. Рец. на кн.: Судебники XV—XVI веков, с. 117.

к работе над очередным томом серии, но она по ряду причин прерывалась. Несколько лет назад подготовка «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.» была завершена, и публикация ждет своего издания.

Развитие науки выдвигает перед археографией новые задачи, и А. А. Зимин совместно с В. И. Бугановым сформулировали их в 1980 г. Помимо уже отмеченных, это, во-первых, необходимость «произвести учет всего того, что издано, а также учет неопубликованных материалов» и на основе этого «издать то, что не издано или издано на низком археографическом уровне в XVIII—XIX вв.», прежде всего ряд летописей, некоторые произведения публицистического, повествовательного характера, неопубликованные акты XIV—XV вв., акты XVI—XVII вв., Литовскую метрику, Псковскую и Новгородскую судные грамоты, писцовые книги, оставшиеся неопубликованными разрядные книги, документы русских приказов XVI—начала XVII в., материалы Земского собора 1566 г., поручные записи, соборные грамоты 1580 и 1584 гг., материалы посольских книг, договоры России с иностранными державами за XIV—XVI вв., важнейшие сказания иностранцев о России.²⁹ Во-вторых, ставится задача разрешить сложные вопросы в области методики археографии. А. А. Зимину представляется, в частности, что «для XVI в. пользоваться регестами нет надобности, поскольку источников, еще не изданных, не так уж много». Что же касается научных правил изданий, то на основе накопленного опыта, который необходимо обобщить, авторы статьи призывают выработать их, включая и выбор типа комментария, с учетом разных видов источников, эпох, регионов.³⁰

Большое место в творческом наследии А. А. Зимина занимает *текстология*, специальная дисциплина, предмет которой, согласно его представлениям, — сопоставление источников, имеющих сходные тексты.³¹ Помимо решения задач, связанных с изданием источников, текстологическое их изучение в трудах А. А. Зимина, как и в работах других советских исследователей, призвано решать и более общие источниковедческие задачи.

Несмотря на то что текстология сформировалась и получила наибольшее развитие при изучении памятников древнерусской литературы, первое опубликованное А. А. Зиминим текстологическое исследование посвящено памятнику права — Русской Правде. А. А. Зимину принадлежит ряд текстологических изысканий по этому законодательному кодексу, в частности, он обнаружил и опубликовал новые списки Русской Правды, реконструировал архетип Пространной Правды, высказал ряд критических замечаний по работам своих предшественников.³² Текстоло-

²⁹ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин. ..., с. 120—123.

³⁰ Там же, с. 123.

³¹ Там же, с. 125.

³² См.: ПРП, в. 1, с. 189—196; Зимин А. А. 1) Рец. на кн.: Юш-

гия Краткой Правды, Пространной Правды и Сокращенной Правды занимает большое место и в еще не опубликованной монографии «Правда Русская», целиком посвященной исследованию этого памятника.³³

Ряд работ А. А. Зимина связан с текстологическим изучением летописей.³⁴ К ним примыкает комплекс исследований по текстологии «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».³⁵ Последние вызвали острую дискуссию и резкие критические выступления в связи с датированием А. А. Зиминным «Слова» второй половиной XVIII в.³⁶ Наконец, много внимания уделил А. А. Зимин

ков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. — Советская книга, 1950, № 8, с. 73—76; 2) Новые списки Русской Правды. — Археограф. ежегодник за 1958 г., М., 1960, с. 323—330; 3) К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1954, т. 7, с. 155—208; 4) Из историографии советского источниковедения («Русская Правда» в трудах С. В. Юшкова). — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976, с. 275—282.

³³ См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 154; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин..., с. 296; Список печатных трудов А. А. Зимина, с. 284.

³⁴ Зимин А. А., Насонов А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи, с. 89—91; Зимин А. А. 1) «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. — Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР, 1956, в. 10, с. 78—88; 2) К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, М.—Л., 1957, т. 13, с. 225—230; 3) Летописи и хронографы XV—XVI вв. М., 1960. — См. также: Зимин А. А. Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — Археограф. ежегодник за 1961 г., М., 1962, с. 28—40.

³⁵ Зимин А. А. 1) Две редакции Задонщины. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1966, т. 24, с. 17—54; 2) К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Исторический сборник. Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1966, в. 31, с. 138—155; 3) Приписка к Псковскому апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве». — Русская литература, 1966, № 2, с. 60—74; 4) Когда было написано «Слово»? — Вопросы литературы, 1967, № 3, с. 135—152; 5) Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — Русская литература, 1967, № 1, с. 84—104; 6) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». — История СССР, 1968, № 6, с. 43—64; 7) «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. Русский фольклор. М.—Л., 1968, т. 11, с. 212—224; 8) «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». — Археограф. ежегодник за 1967 г., М., 1969, с. 41—58; 9) Текстология Пространной Задонщины. — Уч. зап. Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары, 1969, в. 47, с. 91—111; 10) Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 233—249.

³⁶ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Прийма Ф. И. О гипотезе А. А. Зимина. — Русская литература, 1966, № 2; Кузьмин А. Г. 1) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина). — Вопросы истории, 1968, № 6; 2) «Слово

текстологии памятников общественной мысли — сочинений Максима Грека, Вассиана Патрикеева, Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова, Андрея Курбского.³⁷

Деятельность А. А. Зимина как текстолога протекала в русле, проложенном А. А. Шахматовым, и в основном была близка школе, сформировавшейся в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, с сотрудниками которого его связывали совместные археографические и текстологические работы (Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье), в печатном органе которого — «Трудах» — он много печатался. Это не исключало, конечно, и полемики по ряду конкретных текстологических проблем, порой весьма острой (по вопросу о «Слове о полку Игореве» и «Задонщине»).

Как и в археографической работе, А. А. Зимин в процессе текстологических изысканий придерживался сложившегося в нашей археографической практике и теории принципа исчерпывающего «привлечения всей рукописной традиции». Он был убежден, что «выяснить... первоначальный авторский текст и поставить вопрос если не об авторе, то о среде, в которой он был создан», возможно «только» в результате выяснения «литературной судьбы произведения, отраженной в дошедших до нас конкретных рукописях». А. А. Зимина радовало, что это постепенно «становится общепризнанным»,³⁸ и огорчали случаи отхода от завоеванных теорией и практикой текстологии позиций, результатом чего являлись его критические выступления в научной печати.

Оставаясь в своей собственной работе в рамках традиционной текстологии, А. А. Зимин в то же время осознавал необходимость «искать новые пути и методы», в частности, считал плодотворным применение математических методов. Так, он поддерживал изучение вариантов в источниках, имевших длительное бытование в рукописной традиции, и стиля произведений древнерусской письменности под углом зрения проблемы частотности, указав на необходимость в этой связи «осуществить подготовку частотных словарей отдельных произведений, авторов для различных веков, по отдельным жанрам и т. д.». Математические ме-

о полку Игореве» о начале Русской земли. — Вопросы истории, 1969, № 5. — О дискуссии в связи с обсуждением концепции А. А. Зимина см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 247—248.

³⁷ Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 115—128, 243—299; 2) Источниковедческие проблемы раннего нестяжательства. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974, с. 87—103; 3) Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXXI, с. 176—201; 4) Первое послание Курбского Ивану Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 142—147.

³⁸ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1973, в. 1, с. 211. (Разрядка наша. — В. П.).

тоды необходимы, по мнению А. А. Зимина, и при анализе «всех вариантов различных рукописей», а не только бесспорных случаев. Кроме того, в связи с исследованием конъектур он обратил внимание на неизученность типа и «характера описок и опшибок» в разное время, что тоже требует внимания исследователей.³⁹

В области *летописеведения*, кроме тех трудов А. А. Зимина, которые отмечены выше (по летописной археографии и текстологии), представляют большой интерес работы, формулирующие общие его воззрения на методику летописного источниковедения. В этой связи А. А. Зимин рассмотрел методику, разработанную А. А. Шахматовым, отметив его основополагающую роль в развитии источниковедения вообще и летописеведения в частности. Вместе с тем А. А. Зимин указал и на те предпосылки в шахматовской методике, которые, как ему представлялось, могут вести к некоторым просчетам.

А. А. Зимин придерживался прочно утвердившегося в нашей науке (хотя и оспариваемого изредка авторами некоторых работ) взгляда, что «Шахматовым была создана по существу новая методика источниковедения», оказавшая «огромное плодотворное влияние на развитие советского источниковедения» и с успехом применявшаяся при исследовании не только летописей, но и памятников публицистики и законодательства.⁴⁰

А. А. Зимин особо подчеркивает значение исходной шахматовской позиции — привлечение к исследованию всех известных в то время летописных текстов и введение в научный оборот множества новых, вся совокупность которых кладется в основу построения гипотез. Для А. А. Зимина «главное в шахматовской методике» состоит в том, что у А. А. Шахматова «сама система фактов становилась одним из критериев выбора способов объяснения отдельных ее элементов», т. е. объяснение конкретного факта зависело «не только от него самого, а и от того, в какую систему он входил»: «... если большинство фактов объяснялось наиболее убедительно одной какой-нибудь гипотезой, то и в истолковании остальных фактов Шахматов опирался именно на эту гипотезу, хотя они могли быть объяснены (подчас даже лучше) и другими предположениями».

А. А. Зимин при этом тонко заметил, что такой прием, «имеющий только вероятностное значение, мог бы быть оправдан лишь при соблюдении хотя бы одного из двух условий: 1) необратимости сопоставлений, т. е. если из них вытекает лишь

³⁹ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 125—126. (Разрядка наша. — В. П.).

⁴⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 431. — См. также замечание А. А. Зимина о том, что в книге В. Л. Янина показано, «сколько еще неиспользованных возможностей заложено в методе, разработанном А. А. Шахматовым» (Зимин А. А. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962. — Советская археология, 1963, № 3, с. 272).

единственно возможный вывод о соотношении источников; 2) если в распоряжении исследователя множество наблюдений, каждое из которых имеет объяснение (вероятностное, но обязательное) через генерализирующую гипотезу».⁴¹

Отметил А. А. Зимин и то важное обстоятельство, что А. А. Шахматову «было тесно в рамках» основного для него «чисто логического» (или логически-смыслового) «подхода к памятникам». Отсюда применяемые Шахматовым «другие приемы исследования» (сопоставление хронологических данных, лингвистическая интерпретация и т. п.), отсюда же — попытка определить «политическую направленность деятельности летописцев».⁴²

К середине 60-х гг. А. А. Зимин пришел к выводу, что «чисто логическое источниковедение не всегда дает достаточно объективную и прочную базу исследования», поскольку «чревато двумя серьезными недочетами: модернизацией мышления древнерусского писателя и субъективизмом исследователя». Модернизация мышления выражалась в том, что «Шахматов создавал свою схему древнерусского летописания, в значительной степени исходя из представлений человека конца XIX—начала XX в. о логике исторического повествования», а «субъективизм интерпретации текста» — в субъективном понимании каждого отдельного летописного рассказа как основы признания того или иного отрывка позднейшей вставкой.⁴³

Пути преодоления недочетов шахматовского метода А. А. Зимин видел в отказе от построения истории летописания «в рамках одной только чисто логической системы». Необходимы «разные планы (или, условно говоря, «системы») анализа» — исследование «идейного смысла летописных сводов», «тщательное рассмотрение... чисто литературных приемов изложения» (жанровых особенностей, стилистики, образных средств), «изменения...

⁴¹ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 432. (Разрядка наша. — В. П.). — Игнорирование этого последнего обстоятельства приводило, по мнению А. А. Зимина, к разного рода «романтическим» интерпретациям «хода летописного дела». Опираясь «всею несколькими фактами», они «создают гипотезу, при помощи которой... стремятся разъяснить темные свидетельства других источников». Но «если фактов недостаточно, то, как правило, построить можно не одну, а несколько систем их объяснения, отсюда любая из них будет лишена того определяющего значения, которое она имела в работах Шахматова» (там же).

⁴² Там же, с. 435.

⁴³ Там же, с. 433—434. — К сожалению, А. А. Зимин не разобрал конкретных примеров модернизации мышления и субъективизма, подтверждающих мысль об ограниченности самого метода А. А. Шахматова. Более того, он упоминает о субъективной интерпретации текстов в работах Г. М. Бараца, замечая, что «с подобным субъективистским подходом метод Шахматова по самой своей сути уже ничего общего не имел» (там же, с. 434—435). Поэтому нам представляется недостаточно аргументированной мысль А. А. Зимина о недочетах метода. Быть может, правильнее говорить о недочетах и ошибках при практическом его применении, в том числе иногда и в работах самого А. А. Шахматова?

языковых особенностей, смены хронологических стилей».⁴⁴ Это стало возможно в результате установившегося в советской науке творческого содружества филологов и историков, широкого использования «как филологических, так и исторических методов» исследования летописей.⁴⁵

Однако А. А. Зимина чрезвычайно тревожили отдельные факты отступлений от завоеванных позиций в изучении русского летописания. Эта тенденция особенно рельефно проявилась в трудах А. Г. Кузьмина. В них содержится развернутая критика «методики изучения древнерусского летописания, разработанной советскими филологами и историками», «методики и результатов» работ А. А. Шахматова, вошедших «прочно в золотой фонд достижений отечественной науки», искусственно противопоставляется «историческое» направление «филологическому», охарактеризованному как «скептическое» или «формальное».⁴⁶ Поэтому А. А. Зимин, как и ряд других наших крупнейших ученых (Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, В. Л. Янин, Я. С. Лурье),⁴⁷ считал своим долгом выступить против воскрешения давно и заслуженно забытых приемов работы, против такого подхода «к изучению русских летописей, который тянет нашу науку назад» и «должен быть решительно отброшен».⁴⁸

Главный дефект построений А. Г. Кузьмина А. А. Зимин видит в его решительной борьбе «с текстологией как основой методики летописного источниковедения» «под флагом „дополнения“ Шахматова безнадежно устарелыми приемами работы его предшественников (П. М. Строева, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.)», усматривавших «в летописях не исторически развившиеся своды, а сумму отдельных повестей и сказаний».⁴⁹ Следствием этого было «широкое использование при изучении древнерусского летописания позднейших памятников» без предварительного всестороннего рассмотрения вопроса «о времени сложения памятника», без попытки выявления особенностей отражения прошлого в таких поздних источниках. Другим следствием подхода А. Г. Кузьмина к изучению летописей явился «примат „исторических методов“ исследования летописей над „текстологией“». А. А. Зимин показал, что на деле это вело к полному отказу от текстологии и замене реконструкции текстов реконструкцией

⁴⁴ Там же, с. 437.

⁴⁵ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1974, т. XXXIII, № 5, с. 454.

⁴⁶ Там же, с. 454—455.

⁴⁷ См.: Лихачев Д. С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? — Русская литература, 1971, № 1; Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50—70-х годах. — История СССР, 1972, № 4; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы изучения русских летописей. — Вопросы истории, 1973, № 8.

⁴⁸ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 464.

⁴⁹ Там же, с. 455.

идей,⁵⁰ созданию «летописи без летописных текстов»,⁵¹ априоризму и субъективному подходу.⁵²

А. А. Зимин выявил и «тот комплекс идей, с позиций которых А. Г. Кузьмин пытается дать свою интерпретацию истории русского летописания»: «все дело сводится к церковно-национальному представлению о судьбах Древней Руси». При этом показано, что А. Г. Кузьмин «равнодушен к попыткам понять классовую и политическую сущность летописания».⁵³

В результате критического рассмотрения попыток ревизии сложившихся в отечественной науке методов летописеведения А. А. Зимин приходит к обоснованному выводу о несостоятельности таких попыток. Магистральный же путь летописного источниковедения справедливо связывается им «с дальнейшим развитием той методики, которая с успехом применяется в трудах советских литературоведов и историков и выработана в результате их совместных усилий».⁵⁴

Много сделано А. А. Зиминим и в области *дипломатики*. Его интересовали все разделы и аспекты актового источниковедения, выражением чего является читанный им в Историко-архивном институте и сохранившийся в рукописном виде курс лекций по русской дипломатике,⁵⁵ однако наибольшее число работ по этой проблематике посвящено выявлению подлинности актов и их датировке. Впрочем, занимался А. А. Зимин и формулярным анализом, в частности, жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю.⁵⁶

Уже в ранней работе А. А. Зиминой, в которой дипломатическому анализу подверглись княжеские духовные грамоты начала XVI в. (Ивана Борисовича Рузского, Федора Борисовича Волоцкого, Дмитрия Борисовича Углицкого и двух несохранившихся заветаний Василия III), обнаруживается особый подход к источнику, нашедший развитие в последующих его трудах. В противоположность предшественникам, «которые основывали свои соображения об авторе, времени, месте написания того или иного заветания великого или удельного князя» главным образом на данных «Собрания государственных грамот и договоров», лишь «изредка внося в них известные коррективы», изучали «грамоты

⁵⁰ Там же, с. 457—458. — В другой связи А. А. Зимин писал, что нельзя «устанавливать взаимосвязь памятников только на основании одного сопоставления идей (отсюда датировать их) без текстологического сопоставления» (Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 189).

⁵¹ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 460.

⁵² Там же, с. 462.

⁵³ Там же, с. 462—463.

⁵⁴ Там же, с. 464.

⁵⁵ См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 156.

⁵⁶ Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю XVI в. — В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979, с. 164—178.

суммарно» либо «выборочно»,⁵⁷ А. А. Зимин на основе детального их исследования по подлинникам и во всей совокупности дает анализ этих актов «как документов, характеризующих напряженную борьбу за укрепление русского централизованного государства».⁵⁸

Работы А. А. Зимина, в которых отвергается или ставится под сомнение подлинность ряда актов, основываются на применении разнообразных методов выявления актовых подделок. Палеографические наблюдения, данные сфрагистики, терминологический анализ, анализ формуляра, текстологическое изучение, установление времени составления сборников, содержащих грамоту, выяснение соответствия и несоответствия содержания документа той исторической обстановке, о которой идет речь, выявление хронологических ошибок, анахронизмов — вот неполный перечень тех приемов и методов, которыми оперировал автор.

В результате А. А. Зимину удалось либо выявить ряд подложных актов, либо предложить убедительные обоснования в тех случаях, когда факт подложности уже был установлен его предшественниками, но аргументация их кем-то была поставлена под сомнение, либо предложить другие их датировки.

Так, в отличие от предшественников, датировавших уставную грамоту князя Всеволода Мстиславича 30-ми годами XII в. (были предложены различные даты в пределах этого десятилетия), А. А. Зимин пришел к выводу, что она в дошедшей до нас редакции была составлена в самом конце XIV—начале XV в. Анализ текста грамоты не позволил ему выделить первоначальный текст XII в., который позднее был переработан: «Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV—начала XV в., что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится». Выявил А. А. Зимин и источник исторических материалов, содержащихся в акте (Новгородская I летопись), а также связал ее изготовление с судебной реформой в Новгороде.⁵⁹

Рассматривая акты подделки Троице-Сергиева монастыря, относительно подложности (или интерполированности) которых были высказаны справедливые мнения и прежде (жалованная грамота Дмитрия Ивановича Донского, грамота на село Сватково и другие владения Переяславского уезда, жалованная грамота князя Василия II на село Шухоболово), А. А. Зимин обосновал

⁵⁷ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. — Истор. записки, 1948, т. 27, с. 266.

⁵⁸ Там же, с. 268.

⁵⁹ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 123—131. — В. Л. Янин, признавая убедительность аргументации А. А. Зимина против датировки грамоты первой половиной XII в., обосновывает иную, отличающуюся от предложенной А. А. Зиминим датировку — не позднее рубежа XIII—XIV вв. (Янин В. Л. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода. — Археограф. ежегодник за 1976 г., М., 1977, с. 63—68).

другие даты их изготовления (80-е гг. XVI в.) и указал на цель фальшивок — воспрепятствовать практической реализации отмены тарханов.⁶⁰ А. А. Зимин поддержал также мнение С. Н. Валка о подложности данной Савы Сюзева и данной посадника Ивана Фомина, приведя дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения, и указал на подложность данной Митрофана Изинского.⁶¹

При выявлении поддельных актов, помимо использования специальных технических приемов из арсенала дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин, А. А. Зимин обращает пристальное внимание на выяснение классовых побуждений, «которыми руководствовались составители поддельных актов». Он показал, например, что правильно решенная проблема, связанная с фальсификацией актового материала, «позволяет уяснить некоторые из форм стяжательской деятельности крупных монастырей-вотчинников, пытавшихся путем подделки документов закрепить за собой захваченные у крестьян земли», а также и побуждения светских феодалов, пытавшихся «при помощи подделок похолопить свободных людей».⁶²

Важной стороной дипломатического анализа, пограничной с исторической хронологией, является датирование актов. В частности, А. А. Зимин провел с этой целью исследование более десяти договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. и в результате уточнил их датировки, вследствие чего ему удалось внести ряд корректив в освещение некоторых событий политической истории Руси.⁶³ Аналогичная работа была предпринята в отношении 54 духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.⁶⁴

Вместе с тем, сопоставляя свой опыт датировки актов с опытом издателя «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей» Л. В. Черепнина, А. А. Зимин сформулировал некоторые методические приемы, несоблюдение которых может, по его мнению, привести к фактическим ошибкам. Прежде всего «датировки недатированных актов должны основываться в первую оче-

⁶⁰ Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 247—251.

⁶¹ Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII вв. — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1963, т. 17, с. 393—428. — См. также соображения А. А. Зимина о подложном ярлыке хана Узбека (Зимин А. А. Краткие и пространные собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам, с. 28—40).

⁶² Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII в., с. 399—400.

⁶³ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1956, в. V, с. 300—327.

⁶⁴ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, М., 1958, в. VI, с. 275—321.

редь на фактах, хотя и мелких, но твердо установленных хронологически», а «гипотезы общего характера не могут быть положены в основу точных датировок». Если же точная датировка невозможна, то «следует прежде всего установить хронологические рамки», во время которых акт мог быть написан, «и уже затем связывать составление документа с тем или иным конкретным событием». А. А. Зимин признает, что «эти рамки ограничивают иногда весьма широкий отрезок, но зато более точно определяют хронологию акта, чем их дальнейшее весьма проблематичное сужение». Если это обстоятельство «не вполне учтено», то «читателю предлагается ... лишь гипотетическая датировка той или иной грамоты», а это «может породить у него впечатление о том, что датировка ряда опубликованных документов уже окончательно установлена, тогда как на самом деле дальнейшее уточнение хронологии ... совершенно необходимо».⁶⁵

А. А. Зимину принадлежал и опыт классификации актового материала. Им выделены следующие группы актов.

А. Акты о социально-экономических отношениях.

1. Акты феодального землевладения: а) акты, характеризующие борьбу феодалов за землю (данные, меновные, купчие, межевые и др.); б) акты, фиксирующие феодально-имущественные права землевладельца (жалованные грамоты несудимые, тарханные и льготные).

2. Акты, характеризующие вассальные отношения феодалов (княжеские договорные грамоты, шертные грамоты татарских ханов, присяжные, складные, поручные грамоты).

3. Акты, относящиеся к истории феодального хозяйства, крестьянства и холопства (духовные грамоты, крестьянские порядные, полные, докладные, кабалы служилые, грамоты ввозные и послушные).

4. Акты о феодальном ремесле и торговле XV—XVII вв. (данные, льготные, тарханные на городские дворы и слободы).

5. Акты историко-бытовые (рядные, сговорные и роспускные о заключении и расторжении брака).

Б. Акты внутренней и внешней политики.

1. Княжеские духовные и договорные грамоты.

2. Акты, характеризующие внутреннюю политику, управление и суд: а) уставные наместничьи грамоты и доходные списки, грамоты в «кормление»; б) акты судебно-процессуального характера (судные списки, правые и бессудные грамоты); в) акты церковно-административного управления.

3. Акты внешнеполитического характера.⁶⁶

⁶⁵ Там же, с. 321.

⁶⁶ Классификация актов, предложенная А. А. Зиминим, входит в составленную им программу курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи» для Историко-архивного института. Со ссылкой на А. А. Зимина эту часть программы опубликовал Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Часть вторая М., 1951, с. 62).

Как видим, А. А. Зимин считал единственно правильным принципом классификации актов учет их содержания и рассматривал историко-правовую структуру акта в качестве дополнительного фактора. Эта точка зрения дала ему основание утверждать, что при издании грамот Великого Новгорода и Пскова имели место «пережитки формально-юридического подхода», проявившиеся в классификации актов. В ее основу, как представлялось А. А. Зимину, необходимо было положить «не столько форму, сколько их содержание», и тогда «отчетливо обрисовались бы два основных раздела: акты социально-экономические и акты внешней и внутренней политики Великого Новгорода».⁶⁷

Занимаясь изданием и исследованием актов, А. А. Зимин пришел к ряду выводов о современном состоянии актового историко-коведения, успехах и пробелах в развитии дипломатики, о методике исследования актов, решенных задачах и задачах, ждущих еще решения.

Успехи дипломатики в послевоенный период, как показано А. А. Зиминим, достигнуты благодаря трудам С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова и особенно Л. В. Черепнина, предложившего «новые пути исследования таких видов актов, как жалованные и правые грамоты», связавшего их изучение «с проблемами социально-экономической и политической истории страны» и давшего «сильный толчок последующему новому подъему дипломатики». Эстафету подхватили исследователи нового поколения и прежде всего С. М. Каштанов, который, наметив «широкие перспективы изучения актового материала в целом», особое внимание уделил жалованным и указным грамотам, разработал «приемы формулярного (текстологического) анализа» этого вида актов, что позволило «показать складывание и развитие структуры жалованных грамот в связи со складыванием государственного аппарата и развитием его финансовой системы».⁶⁸

В то же время, несмотря на ряд положительных результатов, отмеченных А. А. Зиминим в области изучения «т. н. частных актов», разработка методики «исследования формуляра частно-правовых актов» представлялась ему отстающим участком дипломатики, следствием чего явилось отсутствие «достаточной четкости в анализе значения трудов А. С. Лаппо-Данилевского».⁶⁹

Но особенно волновало А. А. Зимина воскрешение «элементов так называемого фактографического подхода» к актам, «когда исследователь ограничивается описанием и анализом отдельных источников вне связи с их судьбами», когда отдельные явления устанавливаются «на „примере“ того или иного акта». Поэтому в выработке методики «изучения отдельных грамот в тесной

⁶⁷ Зимин А. А. Рец. на кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 69.

⁶⁸ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 127.

⁶⁹ Там же.

связи с развитием формуляра» А. А. Зимин видит одну «из важнейших источниковедческих задач».⁷⁰

В дискуссии с Н. Е. Носовым по поводу приемов изучения иммунитетных и уставных грамот XVI в. А. А. Зимин отстаивал ряд принципов, которыми, по его мнению, необходимо руководствоваться при исследовании актов вообще, данной их разновидности в частности. Отказ «от выборочного привлечения источников для иллюстрации того или иного положения» является первым и основным таким требованием. Отсюда встает задача всестороннего обследования архивных фондов и достижения исчерпывающей полноты при сборе источников.⁷¹ Второе требование состоит в том, чтобы установить, какая часть всей совокупности когда-то существовавших актов определенной разновидности сохранилась и привлечена для анализа, имеет ли исследователь дело «со случайным материалом или с основной группой источников».⁷² Если окажется, что «до нас дошел не случайный комплекс актовых источников, а основная масса» (в отношении земельных актов А. А. Зимин вслед за С. М. Каштановым именно к такому выводу пришел),⁷³ то тогда вступало в силу третье требование — проведение статистической обработки как актов определенной разновидности в целом, так и их отдельных элементов (клаузул),⁷⁴ т. е. применение собственно дипломатического (формулярного) метода анализа в тесной и органической связи со статистическими подсчетами, что дает возможность проследить соотношение между формой и содержанием актового материала, развитие актового формуляра «в исторической перспективе, в связи с политикой правительства, с учетом особенностей отдельных русских земель», в сопоставлении с реальным историческим процессом.⁷⁵

⁷⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 443.

⁷¹ Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. — Вопросы архивоведения, 1962, № 1, с. 34. — А. А. Зимин призывал к созданию каталога всех дошедших актов XVI в. (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 443) и сам занимался его составлением (см.: Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.). — Археограф. ежегодник за 1962 г., М., 1963, с. 366—396).

⁷² Зимин А. А. О методике актового источниковедения..., с. 35, 38, 45.

⁷³ Там же, с. 35—36; Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444.

⁷⁴ Зимин А. А. 1) О методике актового источниковедения..., с. 41; 2) Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444.

⁷⁵ Зимин А. А. 1) Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 444; 2) О методике актового источниковедения..., с. 45. — Возражения Н. Е. Носова см.: Носов Н. Е. О статистическом методе в актовом источниковедении (По поводу статьи А. А. Зимина). — Вопросы архивоведения, 1962, № 4. См. также: Каштанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. — История СССР, 1959, № 6; Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении. — Проблемы источниковедения, М., 1962, в. X.

Историческая генеалогия некоторое время отставала от насущных нужд исторической науки, а по мнению В. И. Буганова и А. А. Зимина, даже «прозябала». Лишь С. Б. Веселовский, «понимая ее огромные потенциальные возможности, накапливал материал, создавал росписи родов, писал этюды по истории боярских фамилий», почему и значение его трудов справедливо оценивается как непреходящее.⁷⁶ А. А. Зимин и был тем исследователем, который чрезвычайно высоко ценил вклад С. Б. Веселовского в развитие этой вспомогательной исторической дисциплины, первым продолжил его дело, приложив много усилий для возвращения генеалогии той роли, которую она должна играть при воссоздании политической истории, процесса складывания господствующего класса, истории государственных учреждений, истории феодального землевладения.

Собственно этим конкретным исследовательским задачам и подчинено подавляющее большинство отдельных генеалогических трудов А. А. Зимина, не говоря уже о том, что много генеалогических этюдов органически входит в ткань его монографий, в результате чего генеалогия становится средством и методом познания.

В самом деле, в специальном очерке, посвященном истории боярской фамилии Колычевых, А. А. Зимин показал, что их судьбы «в годы правления Ивана IV отразили важнейшие особенности московской политики того времени», и это обстоятельство позволяет «лучше понять сущность опричнины Ивана Грозного». Именно на примере Колычевых А. А. Зимин показал, что «в социально-экономической структуре России XVI в. сохранялись значительные черты обособленности таких земель, как Новгород, Старица и другие». Отсюда следовал его важный вывод, принципиально отличный от господствующих до этого взглядов на опричную политику: «... не пресловутая борьба дворянства с боярством, а искоренение пережитков феодальной раздробленности, стремление окончательно подчинить Великий Новгород и разгромить Старицу составляло основной нерв политической истории России времен опричнины».⁷⁷

Генеалогические изыскания, связанные с суздальскими и ростовскими князьями, привели А. А. Зимина к выводам о сравнительно позднем их включении в Боярскую думу (начиная с 1509—1512 гг.) и усилении в ее составе (во второй половине княжения Василия III), о их роли в руководстве армией и в местном управлении, о постепенном укреплении политических позиций в стране суздальских и ростовских княжат с благословения самого же правительства.⁷⁸

⁷⁶ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 128.

⁷⁷ Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. — Археогр. ежегодник за 1963 г., М., 1964, с. 56—71.

⁷⁸ Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 56—69.

Главным образом на генеалогическом исследовании основывается монография А. А. Зимина «Формирование состава Боярской думы. Вторая половина XV—первая треть XVI в.», подготовленная им и утвержденная к печати Институтом истории СССР, но пока еще не опубликованная.⁷⁹ Историческая генеалогия является основой и ряда других его работ,⁸⁰ а также нескольких исключительно ценных справочных изданий.⁸¹

Существенное место в генеалогических изысканиях А. А. Зимина занимают источниковедческие сюжеты. Выяснение степени достоверности генеалогических источников, выявление причин их недостоверности, их датирование, обнаружение генеалогических подделок⁸² неразрывно связаны с его генеалогическими трудами. Это обстоятельство позволило М. Е. Бычковой прийти к обоснованному выводу, что А. А. Зимин применял новый метод генеалогического исследования: «отбор биографических сведений об отдельных лицах сочетается» в его работах «с источниковедческим анализом документов, содержащих эти сведения».⁸³

Намечая перспективы развития исторической генеалогии в связи с насущными нуждами исторической науки, А. А. Зимин считал первостепенной задачей «издание источников, особенно справочного характера» (основных редакций родословных книг, росписей родов, поданных в Разрядный приказ в конце XVII в., именных указателей, списка землевладельцев России XIV—XVI вв., биографических справочников), а также монографий об

⁷⁹ См.: Капитанов С. М. Александр Александрович Зимин... с. 153; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин... с. 298; Список печатных трудов А. А. Зимина, с. 284.

⁸⁰ Зимин А. А. 1) Дмитровский уезд и удельный двор во второй половине XV—первой трети XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, V. Л., 1973, с. 182—195; 2) Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — В кн.: История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977, с. 161—188; 3) Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI в. — История СССР, 1973, № 3, с. 124—142; 4) Служилые князья в Русском государстве конца XV—первой трети XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 28—56; 5) Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1979, т. 103, с. 195—244.

⁸¹ Зимин А. А. 1) Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археограф. ежегодник за 1957 г., М., 1958, с. 41—87; 2) О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — Истор. записки, 1958, т. 63, с. 180—205; 2) Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — Археограф. ежегодник за 1960 г., М., 1962, с. 27—42; 4) Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1974, т. 94, с. 271—301; 5) Дьяческий аппарат второй половины XV—первой трети XVI в. — Истор. записки, 1971, т. 87, с. 219—286.

⁸² О генеалогических подделках см., например: Зимин А. А. К изучению фальсификаций актового материала в Русском государстве XVI—XVII вв., с. 412—421.

⁸³ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 53.

отдельных родах.⁸⁴ Кроме того, А. А. Зимин оценивал как весьма плодотворные опыты генеалогического изучения крестьян, торговых людей, купеческих семей и призывал к продолжению работы в этом направлении. Наконец, он считал, что методы генеалогических исследований «таких крупных специалистов, как акад. С. Б. Веселовский и ряда других ученых, могут быть полезными для разработки методов генеалогии новых периодов истории нашей страны».⁸⁵

Вклад А. А. Зимина в развитие вспомогательных исторических дисциплин не ограничивался лишь той сферой, которая охарактеризована выше. В своих трудах он постоянно прибегал и к *палеографическому* анализу рукописей (в том числе к методам *кодикологии* и *филигранологии*), много сделал в области *документоведения*, *архивоведения*, проявлял интерес к *геральдике*, *сфрагистике*, *нумизматике*. Призывал А. А. Зимин также к разработке нового раздела палеографии — *неографии*, «которая изучала бы особенности письма XIX—XX вв., в первую очередь — советского времени». В этой связи он ставил задачи изучения бумаги, почерков, печатей, типографских шрифтов и шрифтов пишущих машинок, систем стенографии, анализа и систематизации таких датирующих признаков, как марки, почтовые штемпели, специальные гашения (в связи с чем «филателия должна превратиться из увлечения коллекционеров-любителей в научный раздел неографии»), а также составления справочников, «в которых точно будет зафиксирована дата выхода в свет серий марок, сроки обращения марок, помещены сведения о сроках доставления писем (простых, авиа) в разные пункты страны».⁸⁶

Много сделал для развития отдельных вспомогательных исторических дисциплин, в чем нашла отражение (помимо его собственных научных интересов) одна из объективных тенденций эволюции источниковедения — отпочковывание новых дисциплин, связанное с изучением отдельных видов источников или появлением новых методов исследования,⁸⁷ А. А. Зимин не являлся в этой сфере узким специалистом. В его научной деятельности ярко проявилась и другая объективная тенденция современного источниковедения — комплексность, интеграция, синтезирование данных разных вспомогательных исторических дисциплин.⁸⁸

⁸⁴ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 129.

⁸⁵ Зимин А. А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов. — Труды научн. конф. по вопросам архивного дела в СССР, М., 1965, т. I, с. 130.

⁸⁶ Там же, с. 127—128.

⁸⁷ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин..., с. 118.

⁸⁸ Там же; см. также: Янин В. Л. 1) К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1973, № 3; 2) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород, М., 1977, с. 3—21.

С полным основанием можно говорить о том, что А. А. Зимин был *источниковедом* исключительно широкого профиля.

Примером и образцом комплексного источниковедческого исследования является упоминавшаяся уже монография «Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции». В ней автор применил многообразные специфические приемы анализа, характерные для отпочковавшихся от источниковедения вспомогательных исторических дисциплин: палеографии (с элементами кодикологии), текстологии, археографии, документоведения, дипломатики, архивоведения, генеалогии, — и методику, свойственную источниковедению в целом, при строгом соотношении со сложной исторической обстановкой, в условиях которой создавался этот документ. Можно указать и на другие работы А. А. Зимина подобного профиля.⁸⁹

Не приводя в данном случае всех конкретных результатов источниковедческих изысканий А. А. Зимина, остановимся на некоторых общих его взглядах, касающихся эволюции источниковедения как научной дисциплины, его методики, трудных, по выражению самого А. А. Зимина, проблем.

Рассматривая «развитие отечественного источниковедения с точки зрения совершенствования приемов исследования», А. А. Зимин выделяет в его истории три периода.⁹⁰

В первый период (конец XVIII и XIX в.), считает А. А. Зимин, «распространено было, если так можно выразиться, „источниковедение факта“, характеризующееся рассмотрением, по возможности всесторонним, вначале одного какого-нибудь памятника, чаще всего уникального («Повесть временных лет» исследовалась А. Л. Шлецером, тмутараканский камень — А. Н. Олениным, грамота кн. Мстислава — Е. Болховитиновым), а затем группы однотипных памятников (жития святых подверг анализу В. О. Ключевский, публицистические сочинения времени «Смуты» — С. Ф. Платонов). Хотя уже тогда широко «применялись приемы внешней (палеографической) и дипломатической критики памятника», все же «каждый источник, как правило, изучался сам по себе, а вся работа в целом складывалась из суммы источниковедческих разысканий по отдельным памятникам». Собственно источниковедческие вопросы решались методом рационалистической критики: «... в случае многозначности решений выбиралось то, которое подкреплялось большим числом логических аргументов и отвечало „здравому смыслу“ автора». Ставя «первые барьеры описательному и некритическому исполь-

⁸⁹ См., например: Зимин А. А. 1) Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам, с. 28—40; 2) О монетной реформе правительства Елены Глинской. — Нумизматика и эпиграфика, М., 1964, т. IV, с. 245—250; 3) Выпись о втором браке Василия III. — В кн.: Историческое повествование Древней Руси. Л., 1976, с. 132—148 (ТОДРЛ, т. XXX).

⁹⁰ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 429.

зованию источников в трудах историков», «источниковедение факта» характеризуется и рядом серьезных недочетов и непреодолимых трудностей — модернизацией явлений далекого прошлого, подменой истории текстов древних памятников «сводными» текстами и т. д.⁹¹

Начало второго этапа отечественного источниковедения А. А. Зимин датирует рубежом XIX—XX вв. и связывает «в первую очередь с трудами Шахматова в области русского летописания». Созданная А. А. Шахматовым «новая методика источниковедения» опиралась уже «не на отдельные факты (источники), а на их систему» и условно определяется А. А. Зиминим как «источниковедение системы фактов». Новая методика исследования актов, предложенная А. С. Лаппо-Данилевским, по представлению А. А. Зимина, также вписывается в рамки второго этапа истории источниковедения, поскольку этого ученого сближает с А. А. Шахматовым «попытка изучить источник не изолированно, а в определенной системе». Но существовала и «отчетливо выраженная разница» между ними: если «Шахматов подходил к летописям исторически, рассматривая их в движении», то для «Лаппо-Данилевского первостепенное значение имела форма документа, которую он отрывал от содержания акта», почему «конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования».⁹²

Наконец, «третий этап в развитии древнерусского источниковедения представлен трудами советских ученых». Являясь «законным наследником того лучшего, что выработали ученые в предшествующую эпоху», советское источниковедение, как показал А. А. Зимин, «не укладывается в рамках одной какой-нибудь системы (логической, лингвистической, историко-правовой и т. п.), а должно являться своеобразной „системой систем“». Советским ученым свойствен новый подход к источникам, основанный «на марксистском понимании исторического процесса». В результате источники оказались органически включенными «в историческую реальность прошлого в качестве элемента определенной системы отношений». На этом плодотворном пути применения марксизма к источниковедению стало возможным «определить классовую сущность и политическую направленность важнейших исторических источников прошлого». Тот или иной комплекс исторических источников теперь подвергается многоплановому анализу посредством привлечения «данных из смежных дисциплин», что превращается «в обязательную норму источниковедческого анализа». Поэтому и «путь построения новейшей методики источниковедения», как представляется А. А. Зимину, «проходит именно через стык наук».⁹³

⁹¹ Там же, с. 429—431.

⁹² Там же, с. 431—435. — Оценка А. А. Зиминим разработанной А. А. Шахматовым методики источниковедческого анализа рассмотрена выше в связи с его летописеведческими трудами (см. с. 118—120).

⁹³ Там же, с. 435—436.

Высоко оцененные А. А. Зиминим впечатляющие успехи, достигнутые советскими источниковедами, были исходным пунктом его размышлений о проблемах, недостатках и даже дефектах в практике работы медиевистов-русистов по изучению источников. Его беспокоило и «известное отставание в теоретической разработке методики исследования древнерусских памятников»,⁹⁴ с чем он связывает «недочеты методического свойства», обнаруживающиеся в отдельных работах.⁹⁵

Следует признать, что и сам А. А. Зимин, за малыми исключениями,⁹⁶ не оставил работ, в которых систематически излагал бы методику источниковедческого исследования. Его методические установки отбирались, складывались, уточнялись и формулировались в процессе исследования конкретных источников разных видов, а также в полемике с воззрениями, которые представлялись А. А. Зимину ошибочными, причем и в этих последних случаях — также на материале источников, будь то акты, летописи или повествовательные памятники.⁹⁷ Поэтому их изложение в конкретно-источниковедческих исследованиях А. А. Зимина и даже в его работах методического и теоретического профиля носит, как правило, фрагментарный, а иногда постановочный характер. Часть методических проблем, поставленных и решенных в трудах А. А. Зимина, освещена нами выше — при анализе его воззрений в связи с теми или иными вспомогательными историческими дисциплинами, хотя и они во многих случаях имеют более широкое значение и применимы к источниковедению в целом. Можно указать и на ряд других вопросов источниковедческой методики, в той или иной форме затронутых А. А. Зиминим.

Так, его беспокоила «недостаточная строгость в использовании разновременных памятников», излишняя доверчивость «по отношению к заведомо поздним памятникам», не подвергнутым предварительному источниковедческому анализу для выяснения степени их достоверности,⁹⁸ иначе говоря, «источниковедческая всеядность». В этой связи А. А. Зимин решительно выступил против провозглашенного А. Г. Кузьминым принципа, согласно которому «ученый не может заставить источник оправдываться», а «дол-

⁹⁴ Там же, с. 437—438.

⁹⁵ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 187.

⁹⁶ См.: Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов.

⁹⁷ Незаурядный полемический дар А. А. Зимина проявлялся, пожалуй, наиболее сильно именно в источниковедческих работах или в многочисленных источниковедческих экскурсах в других его трудах. По его убеждению, «спорят не тезисы, а аргументы», поэтому «всякое доказательство того или иного тезиса должно состоять как бы из двух частей: критического пересмотра предшествующих объяснений и из обоснования той интерпретации, которая, по мнению автора, является наиболее убедительной» (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 442—443).

⁹⁸ Там же, с. 438—439.

жен доказать свое обвинение».⁹⁹ А. А. Зимин показал, что исследователь не имеет права подходить к памятникам прошлого, обладая «презумпцией невиновности», а «должен всесторонне исследовать источник, прежде чем вынести свое решение о подлинности или неподлинности его, о степени достоверности его известий, о времени составления, авторе и т. п.». Недопустима любая презумпция в отношении источника, ибо «утверждение о подлинности источника в равной мере требует всесторонних и конкретных доказательств, как и характеристика источника как неподлинного».¹⁰⁰

Трудные, по определению А. А. Зимина, проблемы встают перед источниковедом, если в его распоряжении «имеется настолько мало источников, что это делает просто невозможным однозначное решение вопроса». В подобных случаях «гораздо правильнее будет... признать факт многозначности решений, чем выбирать одно из них и объявлять его наиболее вероятным и даже единственным», поскольку «сосуществование различных гипотез отвечает естественному положению вещей».¹⁰¹ Такой подход А. А. Зимина весьма показателен и отражает эволюцию в его взглядах на роль и отчасти методы источниковедения. Незадолго до смерти во введении к собранным им своим статьям по источниковедению¹⁰² А. А. Зимин писал: «Со студенческих лет я с восторгом погружался в безбрежное море сверкающей шахматовской мысли и уверовал во всеислие источниковедения как рычага, способного перевернуть мир исторической науки. Однако в 1963 г. наступил перелом, когда я понял, что от Шахматова надо идти к новым берегам. На смену вере во всеислие логического источниковедения пришла убежденность в необходимости комплексного, всестороннего подхода к источнику. Многовариантность объяснения не стала мне казаться кощунственной, а наоборот, помогающей приблизиться к познанию истины. Источниковедение стало занимать свое, но только одно из важных мест в познании истории».

Эта ретроспективная самооценка отвечает высказанным А. А. Зиминим еще в 1969 г. взглядам как на шахматовскую методику (см. выше), так и по поводу возможности, а при определенных условиях даже необходимости альтернативных оценок,

⁹⁹ См.: Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. — Вопросы истории, 1973, № 2, с. 33. — У нас еще «не обсуждены закономерности источниковедческой ретроспекции», — писал А. А. Зимин и продолжал: «При каких условиях поздний источник может быть использован при характеристике более ранних явлений? Бывают случаи, когда не современный событие источник привлекался к исследованию только потому, что он представляется авторам „подходящим“ к их пониманию событий» (Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 448).

¹⁰⁰ Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания, с. 456—457.

¹⁰¹ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 439.

¹⁰² См.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин..., с. 157.

вытекающих из анализа того или иного исторического источника. Признание такой необходимости входит в противоречие с отмеченными им случаями стремления «объявить ту или иную преимущественно логическую систему объяснения источников единственно возможной (хотя бы сама система строилась на небольшом количестве фактов, допускавших различную интерпретацию)». ¹⁰³ Именно с этих позиций А. А. Зимин оценивал дискуссию о былинах между Б. А. Рыбаковым, с одной стороны, и В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым — с другой, ¹⁰⁴ подверг критике построения С. О. Шмидта (касающиеся приписок к лицевым летописям, «Выписи о втором браке Василия III» и источников о восстании 1547 г.), в основе которых, с точки зрения А. А. Зимина, лежат не гипотезы, не факты, а догадки, в результате чего «из нескольких равнозначных объяснений фактов» предпочтение отдается одному «из возможных вариантов объяснения текста», которое соответствует общему представлению автора об изучаемых событиях без доказательства невозможности или меньшей вероятности других объяснений. ¹⁰⁵ В тот же ряд методических просчетов источниковедческого характера А. А. Зимин поставил «вкусовую» оценку источниковедческой работы, при которой исследователю (речь идет о воззрениях Р. Г. Скрынникова по поводу приписок к лицевому своду) та или иная точка зрения, высказанная его предшественниками, представляется более убедительной или вероятной, хотя и не подкрепляется новыми доказательствами. ¹⁰⁶

Размышления А. А. Зимина о роли источниковедения в процессе познания истории (как уже отмечалось, он отводил ему одно из важных, но не единственное место) привели его к выводу о том, что при реконструкции воззрений русских вольнодумцев по произведениям их идейных врагов только перекрестное сопоставление источников недостаточно, а «необходимо посмотреть, как те представления, которые им приписываются, соотносятся с общим уровнем общественно-политической мысли изучаемого времени, с предшествующим и последующим этапом антицерковных движений», с реформационным движением в странах Восточной и Центральной Европы. ¹⁰⁷ В том же ряду рассуждений А. А. Зимина и высказанное им мнение о возможности и необходимости проверки степени достоверности отдельных известий «в недостоверном в целом источнике». Общая характеристика такого источника недостаточна: «Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входит и разбор исторической об-

¹⁰³ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 440.

¹⁰⁴ Там же, с. 440—441.

¹⁰⁵ Там же, с. 441—442; Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 187—192, 196—211.

¹⁰⁶ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в., с. 192—196.

¹⁰⁷ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, с. 445—446.

становки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника».¹⁰⁸

Предложенный здесь обзор работ А. А. Зимина по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, безусловно, неполон и по необходимости краток. Но и в таком виде он дает представление о необычайно широких интересах ученого и чрезвычайной важности для дальнейшего движения исторической науки результатов его подвижнического труда.

Еще в 1963 г., осмысливая перспективу развития источниковедческих дисциплин, А. А. Зимин писал: «Дальнейшее углубленное изучение древней Руси будет, вероятно, проходить на основе совершенствования известных уже методических приемов изучения источников и разработки все новых и новых подходов к ним».¹⁰⁹ Все, сделанное самим А. А. Зиминим, достигнуто именно на этом пути. Его жизнь в науке свидетельствует о плодотворности традиционного источниковедения (хотя сам А. А. Зимин не отвергал новые методы исследования, многократно отмечая их перспективность). Можно даже говорить, что приверженность этому направлению источниковедения являлась одной из важнейших внутренних объективных основ всех его успехов. Другая их основа, субъективная, состоит в личных качествах Александра Александровича Зимина, прежде всего в его необыкновенном, выдающемся таланте.

¹⁰⁸ Там же, с. 448.

¹⁰⁹ Зимин А. А. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 272.